

Юлия Энсо
Мидзу, дочь Океана

Истории о той, кто всегда рядом, но невидим

Юлия Энсо
Мидзу, дочь Океана.
Истории о той, кто всегда
рядом, но невидим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57110893

ISBN 9785005120489

Аннотация

Мидзу, Чэтту и Альсахаба – полулюди-полубожества. Рождённые от человеческих матерей они посвящают свои жизни сохранению Океана, Леса и Неба соответственно. Это первая часть из цикла «Хранительниц», где рассказывается о приключениях дочерей Богов и их близких.

Содержание

Мидзу, дочь Океана	5
Мидзу, вступление	6
Мидзу	7
Мидзу и люди	10
Мидзу и дельфины	13
Нанитта	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мидзу, дочь Океана Истории о той, кто всегда рядом, но невидим

Юлия Энсо

© Юлия Энсо, 2020

ISBN 978-5-0051-2048-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мидзу, дочь Океана

Посвящаю моему папе.

Я хотела, чтобы именно ты первым прочёл эту книгу.

Не успела.

Мидзу, вступление

«Кем бы я была, будь я дочерью неба?» – думала Мидзу, паря на поверхности воды, где-то в середине земного шара.

Был тот редкий штиль, когда страшно подумать неверную мысль, – главное не спугнуть гладь. Поэтому Мидзу была прозрачна, не цепляясь за ход рассуждений, отражая Небо почти также, как отражал его на тот момент океан. Мягкие, легкие оттенки синего и золотого с напылением розового растянулись в бесконечную глубину переплетений друг с другом, сливаясь с гладью воды, уходя до самой глубины Неба и Океана.

Мидзу потеряла чувство тела. Привычная для неё практика. Сначала, ей показалось, что она стала водой и достигла дна, затем дочь Океана ощутила, что стала всей Планетой и вот-вот станет этим бесконечно светлым, бесконечно любящим небом. Мидзу замедлила пульс, который порывался стучать чаще от предвкушения слияния, но именно это всё могло испортить, если обращать внимание. Широко открыв глаза, дыша всем телом-Планетой, Мидзу слилась с утренними Небесами.

Мидзу

Правда это или вымысел, но Мидзу была – получеловек, полуокеан. Её мать, согласно легендам, пришла из центральной части самой большой суши и отдалась Океану. Океан увидел её, спускающуюся к воде, по скалистому, грубому берегу, её маленькую, тонкую и нежную и принял в свои объятия.

Люди думают, что эта женщина – обыкновенная самоубийца или безумная, а Мидзу – мутант, выродок одной из экологических катастроф, от которого, по понятным причинам, отказались родители, скинув в воду. Но есть небольшое число людей, которые верят в то, что Мидзу – Дочь Океана, его помощница в сохранении баланса воды на планете. Кому верить – решать вам. Но хочу предупредить, что из людей её видели всего несколько раз, да и то, унесли эту тайну с собой, никому не рассказывая.

С первого взгляда Мидзу была похожа на человека, но это если только с первого взгляда. Ростом она была близка к двум метрам, а волосы у Мидзу были цвета самых темных глубин. Их покрывала та же пленка, которая покрывает и листья ламинарии, поэтому волосы Мидзу всегда были будто бы мокрые, отражающие от себя любой луч света.

У Мидзу была белая кожа, очень теплая и упругая, как у дельфинов. На ней не было ни единого волоска и поры.

Бледную кожу лица украшали яркие губы большого рта.

Глаза цвета расплавленной меди, были раза в три больше человеческих. Веко у неё было боковое, как у черепах или крокодилов. Когда Мидзу злилась или переживала, глаза становились черного цвета – так раскрывался зрачок. В эти моменты она была похожа на морскую ведьму – но совсем не на обычную девушку.

Мидзу не умела говорить – только пела. Для людей это было больше похоже на непонятную череду звуков, похожую и на китов, и пение птиц одновременно. С океаном она общалась мыслями. Когда Мидзу пела, её песню подхватывали белые киты в полярных водах её Отца. Если вы когда-нибудь услышите, как поют белые киты, значит где-то сейчас поёт Мидзу.

Было бы, наверное, здорово, если бы Мидзу была похожа на Ариэль, рыжеволосую сексапильную девушку с хвостом и ракушками-лифчиком, но Мидзу была другая. При её росте, дочь Океана была еще и весьма мускулистой: спина, руки, ноги с вытянутыми в ласты вместо стоп – всё было крепкое, рельефное и совсем не изящное, если сравнить с Ариэль. Между пальцами у Мидзу были перепонки, нос практически незаметен. Дышала Мидзу, как и дельфины с китами: выдох-вдох, – только она дышала ртом, а не дыхалом. При этом плавала она наравне с ними, также изящно и легко.

На суше Мидзу бывала редко: её кожа пересыхала, стягивалась и ходить получалось совсем неуклюже из-за ласт вме-

сто стоп. Да и что там ей было делать? Люди не видели Мидзу. Таково правило – нельзя показываться людям. Нельзя общаться с ними. Она знала их язык, но где-то глубоко внутри понимала, несмотря на то, что её мать была человеком, им с людьми не пройти одного пути в этой жизни, – только параллельно, не пересекаясь, не задерживаясь и не оставляя следы в памяти.

О матери и её происхождении Мидзу не задумывалась ещё ни разу. Ей было достаточно чувствовать в своём теле мамино эхо жизни, в крови – её пульсы, дыхании – её мудрость. Чтобы не терзаться этим вопросом, Мидзу для себя решила, что её мама – Мать всех живых аква-существ, а её Отец дал им кров – океан.

Мидзу и люди

В холодных водах Тихого океана, играя с косяками форели, отражающими лучи света в воде и рассказывающими приключения на нересте, Мидзу поднялась на поверхность, чтобы сделать выдох-вдох. По привычке, она сделала это в укрытии, за корягой старого дерева, выбеленного водою и отполированного временем. Когда-то дерево упала с берега, круто подступающего к воде, зацепилось корнем за него и дрейфовало возле берега уже сотни лет. На берегу в этот раз были люди. Они играли с собакой во фрисби. Люди смеялись, собака тоже: взвизгивала и пританцовывала от счастья – всё как обычно у них бывает. Мидзу собралась уже было погрузиться в воду, как почувствовала жжение на себе от чьего-то сильного взгляда.

«Попалась!» – подумала Мидзу. Её бросило в жар, но она повернулась навстречу взгляду. Прямо у коряги, на рыбацком стуле, укутанная в пледы и шарфы по самую голову, сидела старуха. Виднелось только её лицо среди слоёв ткани. Морщины, как тени от раскидистого дерева, расчертили её желтое сухое лицо. Маленькими черными глазками она, не мигая, смотрела на Мидзу. Мидзу не двигалась, определяя, видит ли её старуха, уснула ли, а может отошла от жизни. Долгое время они смотрели друг другу в глаза почти не дыша. Все звуки будто отделились на несколько слоев

дальше и почти не существовали – только вода шепталась с берегом на вечные темы. Осенний ветерок шуршал листьями, тянул дым от костра, где запекали картошку. Седая прядь волос, выбившаяся из-под шапки старухи, танцевала на ветру, будто говоря о том, что не говорилось вслух. Мидзу моргала третьим веком, чтобы не терять четкость картинки: слишком долгое пребывание на суше резало глаза. Держась пальцами за корягу, Мидзу чувствовала робкое тепло от нагретого осенним солнцем дерева.

Так они молчали до тех пор, пока старуха, не сделала чуть заметный поклон головой и плечами навстречу Мидзу и последующий за ним жест рукой, говоривший: «Прячься! Уходи!». Коротко поклонившись в ответ, Мидзу тут же исчезла. Стоило ей погрузиться в родную стихию, она увидела, как на корягу прыгнул пёс, звонко крича о том, что видел Мидзу, что вот она, под водой, – только услышите! Он бил по воде, кашлял от брызг и переживал, что Мидзу медленно и безвозвратно уходит в тень глубины. Сев на подводные корни старых деревьев, Мидзу наблюдала за рвением пса, за тем, как хозяева, ничего не подразумевая, оттаскивали его от воды, рискуя шлепнуться в неё, и за медленно уходящей в сосновую рошу, старухой. Она ни разу не обернулась, но в каждом неровном шаге, в каждой опоре на клюку, Мидзу слышала: «Я думаю о тебе. Я почитаю тебя.» В этот момент Мидзу поняла, что ей никогда не стать своей среди людей, что у неё особый статус, особое предназначение, служить которому –

её судьба.

Мидзу и дельфины

Мидзу воспитали киты. Акулам доверили факультативные часы, а рыбам – свободный лекции. Долгое время, с младенчества и до старшего детства, её семьей была стая дельфинов. Они научили её дышать так, чтобы дольше оставаться под водой в течение дня, а не на поверхности. Научили быстро плавать и проявлять нежность. Часами дельфины могли плыть по бескрайним просторам океана, касаясь друг друга плавниками, боками, головой. Когда Мидзу уставала плыть, ей подставляли плавники молодые дельфины. Она бралась за них руками и так, дельфины сбоку – Мидзу посередине, они продолжали движение, будто держась за руки. Несмотря на это Мидзу редко уставала и плавала наравне с ними.

Кожа к коже, плюс мысли-чувства, которые Мидзу считывала от них, окутывали её одеялом тепла и безопасности. В их стае Мидзу не чувствовала себя отдельной, ни на кого непохожей, – она была частью стаи, сильной, равной и нужной. Каждый из дельфинов был для нее брат или сестра, дядюшка, тётушка, дедушка и бабушка.

Потеря одного из стаи переживалась большой скорбью на несколько дней, а то и недель. Мидзу и дельфины теряли покой, не в силах отрицать той боли, которая разрывала их сердце. Каждый преждевременный уход из стаи, напри-

мер, отлов людьми, разбивал им сердце на куски и склеить его, с навсегда потерянным кусочком, могли только они сами, поддерживая друг друга, заботясь и проживая боль вместе.

Знания друг другу передавали все, каждый, что знает. Это были настоящие беседы, где ты сам можешь выбрать, следовать их опыту или нет. Никто не заставлял и не принуждал к выполнению. Каждый член стаи сам решал это. И так получалось, что все выбирали следовать опыту. Мидзу тоже передавала свой опыт. Она не задумывалась о чём именно ей говорить – просто делилась своими переживаниями, историями и действиями, а также результатами, которые проистекали из её действий. Дельфины слушали её также внимательно, как и других. И не было никогда ни одного намека на различие Мидзу от дельфинов.

Если представить, что не существует зависти и предательства, соперничества и унижения, а есть радостное чувство «мы с тобой одной крови – ты и я», свободу взаимопринятия, то примерно можно представить, какая стая была у Мидзу.

Нанитта

Дельфины проявляли к людям самый большой интерес из всех известных китов. Это происходило потому, что дельфинам было любопытно всё на свете, а не потому, что они любили людей и хотели с ними дружить. Океан это не по-

ощрял. Все знали, что от людей добра не ищут, что где человек – там опасность, а то и смерть. Редкие представители человечества, ныряющие глубоко под воду, ничего не желая от дельфинов, своим исключением только подтверждали правило Океана про человека: человек – несчастье для дельфина.

Я расскажу одну историю, которая осталась в сердце Мидзу навсегда.

В стае дельфинов тогда была юная дочь старшей семьи Нанитта. По характеру, Нанитта была похожа на летучую беспечную рыбку: всюду заплывала первой, совсем не ведая осторожности. Однажды, стая дельфинов и Мидзу наткнулись на ныряльщика за раковинами моллюсков, откуда люди добывали белые шарики жемчуга. Нанитта любила играть моллюсками, поддевая раковины носом и удерживая их на носу максимально долго. Когда они играли в эту игру, поднимала огромные иловые облака, за которыми её не было видно и только локаторы могли помочь узнать, где сейчас находится беспечная девочка. В очередной раз, когда Нанитта исчезла и не отзывалась, Мидзу не выдержала и бросилась в иловую воронку, остолбенев от увиденного. Мидзу увидела Нанитту не с раковиной моллюска, а с человеком. Звон страха ударил Мидзу по голове и она на секунду растерялась: то ли забрать с собой Нанитту, то ли скрыть саму себя. Дельфины учили Мидзу держаться от людей подальше, хотя сами с этим с трудом справлялись или не справлялись вообще.

Но Мидзу – дочь Океана. Ей всегда нужно об этом помнить и не позволять себе быть обнаруженной.

Океан говорил ей:

– Мидзу, ты, как и я, должны защищать защищать жителей океана от жителей суши. Хранить все тайны на самом дне и не рассказывать даже самым близким. Ты – хранитель. Защищая океан от людей, ты спасаешь всю Планету.

Мидзу не увела Нанитту. И не потому, что испугалась за себя, а потому что увидела тепло, которое переходило от человека к дельфину и обратно. Такое случается, когда ловишь нужный поток ветра в парусах корабля, если ты моряк, когда попадаешь в нужную ноту, если ты поёшь, когда обретаешь русло, обнимающее тебя будто бы по всей длине, если ты река – вот что увидела Мидзу между человеком и дельфином. Что-то происходило между ними, и Мидзу не решилась этому воспрепятствовать.

Нанитта и человек касались друг друга, кружили, поднимались сделать выдох-вдох и ныряли снова. Человек держал Нанитту у основания бокового плавника. Если бы это был человек, а не дельфин, то её будто приобняли за плечи. Он держал её плотно и нежно, всей рукой, и от этого Мидзу чувствовала, как у неё приятно горят щеки. Когда подошла остальная часть стаи, уже было поздно – Мидзу видела между сердцами человека и дельфина *связь*. Дельфины тоже поняли это, но Нанитту забрали. Прячась за спинами других, ведя пальцами руки по дну, чтобы поднять вокруг себя за-

весу песка, Мидзу уходила со стаей, не решаясь взглянуть на Нанитту, от которой исходили горячие пульсации неизвестного Мидзу чувства.

Стая увела свою дочь далеко от этого места. 2 дня и 2 ночи, редко отрываясь на охоту (Мидзу не нуждалась в еде), в полном молчании, стая уходила в открытый океан, как можно дальше от этих берегов.

На 3 утро стая поняла, что Нанитта исчезла. Незаметно, отходя в самый её конец, она отстала от стаи, развернулась и давно уплыла обратно. Дельфины не могли в это поверить! Неужели Мидзу, дочь Океана, не могла этого не заметить?! Они обступили её в несколько замкнутых цепей и взгляды укора обжигали душу Мидзу. Дельфины знали, что Мидзу позволила ей уйти, так как Мидзу видит и слышит то, что не слышат и не видят даже дельфины.

– Это всё человек в тебе! – говорил дельфин-брат, – Он тебе мешает!

– Это из-за тебя может погибнуть наша дочь и сестра! – страдали дельфины.

Страшным молчанием кричали их взгляды.

– А может быть он не причинит ей зла? – осмелилась спросить Мидзу, – Может она станет счастлива с ним? – сказала Мидзу и закрыла лицо руками, слушая, как эхо её страшных слов расходится по океану.

Если бы у дельфинов были плечи, они, пожав ими, разошлись. Что тут скажешь? Человеческая кровь в Мидзу не да-

вала ей понять океан так, как понимали его жители. Отец тоже молчал. Его молчание было на стороне океана.

В те дни Мидзу впервые почувствовала себя одинокой: ни Океан, ни животные, ни люди – никто не был на её стороне. Тогда на чьей стороне быть ей?

Вскоре, ответ пришёл с тех берегов, откуда они вернулись без своей дочери. Нанитта погибла. Её загарпунили у самого берега, когда она ждала того человека в уже привычной для их встречи бухте. Её выволокли на берег, оставив умирать здесь в отместку ныряльщику, который перестал общаться с людьми и почти жил в воде. Её убили просто так, чтобы проучить товарища, чтобы показать то, что им не нравится его образ жизни. Ныряльщик не успел застать её живой. Люди говорят, что он сразу лишился тех остатков ума, которые у него еще были. Сначала он долго кричал в сторону моря: – Накажи меня! НАКАЖИ МЕНЯ!

Но Океан молчал.

Тогда ныряльщик стащил тело дельфина в воду, привязав себя и её к большому камню и ушел с камнем на дно, так и не поднявшись.

В этом месте теперь никто не ныряет. Теперь это проклятое место. Кем? Не знаю. Наверное той болью, которую дельфин и человек оставили после себя, немой вопрошающей болью, которая слышится Мидзу до сих пор.

Никто не высказал ни слова укора Мидзу после того, как узнали о смерти своей дочери, ведь всё-таки Мидзу была еще

совсем ребёнком. Но чувство вины так и осталось в Мидзу горчить, сжимать зубы, губы при виде людей и опускать глаза, чтобы её боль не обожгла тех, кто случайно окажется рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.